

СТРАННАЯ
ПТИЦА

Посвящается Энн

ПЕРВЫЙ ПОБЕГ

Первая мысль Странной Птицы была о небе над океаном, которого она никогда не видела, в месте, далеком от омытой огнем Лаборатории, из которой она спаслась, — заслоны клетки пали, разбились, но ее чудесные крылья уцелели. Долгое время Странная Птица не знала, что есть небо на самом деле; когда она летела по подземным коридорам в темноте, уклоняясь от стреляющих друг в друга фигур, то даже не подозревала, что ищет выход. Но вот в потолке открылся проем, что-то зашуршало и заскреблось снаружи на крысиный манер, и тогда Птица сбежала по-настоящему, воспарив из дыма-

щихся руин, оставшихся далеко внизу. И даже тогда она не знала, что небо голубое и что такое солнце, потому что она вылетела в прохладный ночной воздух, и всем ее удивлением завладели лучи света, которые вспыхивали в темноте наверху. Но потом ее охватила радость полета, и она поднималась все выше и выше, и ей было все равно, кто ее увидит, что ждет в блаженстве свободного падения, скольжения и безграничного простора.

О, если это и была настоящая жизнь, тогда она еще ни минуты не жила!

* * *

Восход солнца, занявшийся на горизонте над пустыней, на фоне обжигающе-голубой стены, ослепил ее, и от удивления Странная Птица сверзилась со своего насеста на старом мертвом дереве на песок внизу.

Какое-то время Странная Птица держалась низко над землей, расправив крылья, боясь солнца. Она чувствовала зной песка, его зуд, чувствовала ящериц, змей, червей и мышей, которые жили внизу. Она рывками пробиралась по пустыне, что когда-то была дном великого моря, не зная, стоит ли ей подниматься выше, страшась превратиться в тлеющий уголек.

Далеко ли тот свет, или совсем близко? А вдруг это прожектор из Лаборатории, где ее, конечно же, хватились? А солнце все еще всходило, и она все еще была настоroje, и воздух дрожал, скорпионы шуршали, какая-то тварь на далекой дюне поймала малень-

кое существо, отпрыгнувшее от нее недостаточно далеко; воздух пах золой и солью.

Я что, во сне? Что будет, если я сейчас прыгну в небо? А должна ли я?..

Даже под палящим солнцем ее крылья, казалось, становились сильнее, а не слабее, и ее волочащийся след становился смелым, менее похожим на последствие сломанного крыла и более — на сознательный выбор. Рисунок ее крыла на песке напоминал послание, которое она писала сама себе. На память. Но — на какую именно память?

Звук топота лап, вздымающих песок, поверг Странную Птицу в панику, и она забыла свой страх перед горящим шаром и поднялась в воздух почти вертикально вверх, вверх и вверх, и никто не причинил ей вреда, и синева окутала ее и прижала к себе. Кружа супротив ветра, надевая крылья силой, она заметила двух лис, которые вынюхивали ее след.

Они смотрели на нее снизу вверх, тьякали и виляли хвостами. Но Странную Птицу на мякине не проведешь. Она грозно спикировала на них раз-другой, забавы ради, и посмотрела, как они визжат и тарашатся на нее с обиженным выражением в глазах, за которым никак не сокрыть холодный расчет и хищный оскал.

Затем она снова развернулась и, стараясь не смотреть прямо на солнце, направилась на юго-восток. На западе находилась Лаборатория — место, где производили столь прекрасные и вместе с тем столь ужасные вещи.

Так куда же она направлялась?

Всегда на восток, всегда на юг, потому что в ее голове был компас, настойчивый компас, влекущий ее вперед.

На что она надеялась?

Найти цель и проявить доброту, которая еще не была проявлена к ней.

Где она хотела бы отдохнуть?

В месте, которое она могла бы назвать домом. В месте, которое было бы безопасным. Там, где могли бы быть и другие из ее рода.

ТЕМНОКРЫЛЫ

На следующий день на горизонте рядом с солнцем затрепетал и зашумел город. Жара была такой сильной, что он не переставал трепетать в волнах света. Видом своим напоминал он сотню Лабораторий, сложенных друг на друга и рядом друг с другом, и все эти непрочные конгломераты, казалось, вот-вот упадут и рассыпятся.

Вздвогнув, Странная Птица повернула на юго-запад, затем снова на восток, и через некоторое время могучий город растаял в полосах и кругах тьмы на песке, а затем исчез. Неужели солнце уничтожило его? Может, то был какой-то призрак? Само слово «при-

зрак» отдавалось в ее голове чем-то незнакомым, но она знала, что от него веет смертью.

Неужели Лаборатория превратилась в призрак? Нет, только не для нее.

На седьмой день после того, как чужаки прорыли себе путь в Лабораторию, ученые, отрезанные от поставок и осажденные в комнате, где располагался искусственный остров, предназначенный только для их творений, начали убивать животных, которых сами создали, дабы прокормить себя.

Странная Птица сидела в безопасности на крючке под потолком и наблюдала, зная, что может стать следующей. Барсук, который смотрел вверх, мечтая о крыльях. Коза. Обезьяна. Она взирала на них и не отводила взгляда, потому что отвести взгляд значило быть трусихой, а она не была трусихой. Она должна была предложить жертвам какое-то утешение, каким бы бесполезным то ни было.

Все добавленное к ней и все отнятое привело к этому моменту, и со своего насеста она лучилась любовью ко всем животным, коим не могла помочь, и холодным ничем — ко всем присутствовавшим людям.

И даже в тех ее частях, что были человеческими, ничто не отзывалось.

* * *

Она встретила своих первых птиц в дикой природе вскоре после того, как покинула город-призрак, прежде чем снова повернуть на юго-восток. Три больших и темных корабля плыли по течению высо-

ко над ней, а еще ближе — стайка крошечных птиц. Она пропела им свою песню — дружеское приветствие, признание их родными, весть о том, что хоть она их и не знает, но очень любит. Но маленькие птички, остроглазые, роящиеся будто единое целое, поднимавшиеся и опускавшиеся — как волна или призрачная тень, выписывающие пируэты в воздухе... не признавали в ней родню. В ней было слишком много чуждого.

Странную Птицу они сочли за врага. Надсадно чирикающая и отчаянно полоща крыльями по воздуху, они кинулись клевать ее. Сбитая с толку, Птица решила поднырнуть под их стаю, но они последовали за ней, щипая и вереща, облепляя ее разгневанным плащом, щекоча ее своими жирными перьями.

Вскоре, не в силах больше терпеть боль, Странная Птица с пронзительным криком оборвала пикирующий маневр — и быстро вознеслась ввысь, прокладывая туннель сквозь колодцы холодного воздуха, отягощенные разгневанными сородичами. Вскоре все они, не в силах следовать за ней на такую высоту, начали отпадать — одна птичка за другой. Остатки стаи собрались темным облаком внизу. Стылый ветер доносил до нее запах металла, и мир предстал перед ней полномасштабно — теперь она видела, что у пустыни был-таки конец и край, что как минимум с одного края пустыня переходила в лесистую зеленую местность. Слабый, но острый запах морской соли дразнил Странную Птицу. Он был еле уловим, но стрелка компаса, что был внутри нее, сдвинулась

с мертвой точки под действием пусть даже и слабого раздражителя.

Но теперь три темнокрылых монстра, что дрейфовали еще выше ее самой, окружили Птицу с двух сторон. Перья на концах их широких крыльев напоминали длинные пальцы, но на голове никакого оперения не было вовсе, и из окантовок серой сморщенной плоти на нее взирали кроваво-красные глаза.

Какое-то время они, вольготно влекомые ветром, летели беззвучно, и Странной Птице даже нравилась компания этих крылатых. Но вот забили тревогу тонкие чувства, отозвались неприятным покалыванием — темнокрылые компаньоны прощупывали границы ее разума, изучали те защитные барьеры, что воздвигли внутри нее ученые. Барьеры, о существовании коих Странная Птица даже не подозревала, вступили в игру, оставив лишь один просвет для ее сознания и окружив все остальное неприступной редутной стеной.

Происхождение?

Цель?

Пункт назначения?

Слова, возникшие буквально из ниоткуда, были помещены ей в голову темнокрылыми летунами. У нее не было ответа, но, приблизившись к ней, они открыли себя — и поскольку они были старше, они еще не чувствовали опасности, не уловили, как сложные механизмы в Странной Птице нарушили их собственные барьеры. Многие из того, что было в них нового (то есть полученного своею волей), возникло

лишь с целью становления коммуникационной автономности — почти как у настоящих птиц.

А Странная Птица поняла, что темнокрылы не были птицами в строгом смысле слова — и, в отличие от нее, частично вовсе являлись неорганическими. С ужасом она поняла, что, подобно живым спутникам, они кружили вокруг Земли в течение огромного количества времени — столь многих лет, что она едва могла удержать цифру в голове. Она видела, что им было поручено наблюдать сверху и передавать информацию в страну, которая больше не существовала: приемная станция была разрушена давным-давно в ходе войны, что подошла к концу еще давнее.

В своей незащитности, выполняя старые задачи, сохраняя данные до полного исхода, стирая какую-то их часть и записывая по новой, Странная Птица собирала картину ушедшего мира. Наблюдала, как города рушатся внутрь и разлетаются осколками наружу, взорванные в самом сердце, развороченные (разверстые — но разве это не одно и то же?) точно бутоны. И вот появилось нечто, следящее с вышины, в часы света яко в часы тьмы — беспристрастное и бессловесное, не склонное к осуждению... ибо кого осуждать? Как привести приговор во исполнение теперь, когда все виновные мертвы и похоронены? Но из всех этих свидетельств Странная Птица узнала, что Лаборатория, как ни странно, служила убежищем... только не для животных, которых там держали.